

Политический театр начинается с пиара

Мастер-класс В.И. Немировича-Данченко
для российских политтехнологов

Известия - 2003 - 6 авг. - с. 1, 10.

Все ближе избирательная страда, в связи с чем в обществе нарастают опасения: с одной стороны, не слишком ли грязными окажутся выборные технологии, а с другой — не будут ли они чересчур топорными. Что касается возможного перебора компромата в СМИ, то здесь электорату предлагают положиться на законодательный барьер, воздвигнутый председателем ЦИК господином Вешняковым. (О нем «Известия» уже не однажды писали.) Сложнее дело будет обстоять с белым пиаром, который может быть столь же беззащитным, как и черный. Но никто его, насколько известно, не думает регламентировать. Ни со стороны достоверности, ни с точки зрения художественного вкуса. Между тем на сей счет есть вполне уникальные рекомендации. Они содержатся в стенограмме репетиций спектакля о Ленине «Кремлевские куранты», в постановке которого на последнем этапе принял участие Немирович-Данченко.

Юрий БОГОМОЛОВ

Предварительные слова

Стенограммы были опубликованы в 1969 году, а репетиции проходили в 41-м в Москве. Ставили «Куранты» Л. Леонидов и М. Кнебель. Немирович прошелся рукой великого мастера. Получился шедевр. Сейчас, вспоминая

Политтехнолог Немирович-Данченко

спектакль и перелистывая стенографические записи тех давних репетиций, понимаешь, что это — шедевр большого пиара.

Не важно, что объекта пиара уже тогда не было в живых. Важно то, что методология «подачи» лидера сохранила и для современных имиджмейкеров, пиарщиков и рекламщиков практическое значение.

Напомним драматургическую канву пьесы. Она очень простая. В России полный развал ЖХХ, отсутствует не только ЕЭС, но и ЭС, присутствуют нищие, в среде интеллигенции разброд. Запад (в лице писателя-интеллектуала) в ужасе от российской темноты. Ко всему прочему остановились кремлевские куранты. Последнее особенно печально — куранты символи-

зируют остановившееся для страны время.

В пьесе Николая Погодина учтены почти все архетипические ситуации презентации человека, рассчитывающего на завоевание общественной любви: а) лидер партии и простой народ — рабочие, солдаты, случайные прохожие, б) лидер и совсем простой народ — темные крестьяне, нищенка, в) лидер и вечно колеблющаяся интеллигенция — инженер Забелин, г) лидер и лицо еврейской национальности — часовщик, починивший кремлевские куранты, д) лидер полемизирует с западным интеллектуалом — писателем-фантастом Уэллсом, е) лидер произносит взволнованную речь.

Ввиду ограниченности газетной площади у нас нет возможности

проиллюстрировать все позиции этого списка. Ограничимся несколькими.

Явление вождя очень простому народу

Ленин должен зайти в бедную крестьянскую избу. Все находится в напряженном ожидании — детишки, больная старуха и звонарь. Звонарь одержим идеей вдарить по этому случаю в колокол. Но вдарить как-нибудь особенно. Немирович тщательно разрабатывает партитуру ожидания Ленина. Детишки энергично шепчутся. Старуха...

Владимир Иванович объясняет: «Вот старуха вся такая измученная, но полна энергии... Огромное движение внутри, а тело не позволяет... Хотя ноги не ходят, а вместе с тем надо встретить его как царя!». Актриса старается, но не все у нее получается: «Как старуха встречает Ленина? — спрашивает Немирович исполнительницу роли. — У вас так: приехал бы губернатор, архиерей — все одинаково... А это совсем не так, как приезжал губернатор или царь. Кругом вас что-то происходит... До вашего сознания доходит, что надо пройти через разруху, чтобы получилось что-то великолепное... Вот этот большой человек наконец пришел... Сложила руки на груди, и строгое выражение. Рассматриваете, какое у него ухо, какой подбородок, какие брови, глаза. Рассматривайте самый бесцеремонным образом... (Актриса играет.) А это слишком добродушно. Вливаться в него нужно, в его глаза, подбородок, ухо. Невероятно слушаться в то, что он говорит, каждое слово пуд весит».

(Окончание на 10-й стр.)

2

Политический театр начинается с пиара

Известия 2003-6 авг. - с. 1, 10.
(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Тем временем зазвонил колокол, собирающий крестьян на встречу с Лениным. Немирович делает замечание: «В колоколах должно быть нарастание, нарастание, а Казанок (звонарь. — «Известия») отмахал все сразу. Сильнее и сильнее. Тогда будут оправданы слова: «Пойдемте, а то ведь он так от восторга всю колокольню разнесет».

Характерная ошибка сегодняшнего пиарщика в том, что он сосредоточивает все внимание публики на самом герое, а надо так, как делает Немирович: уделять больше внимания тем, кто изображает публику. Именно с ними — со старушкой, с детишками и прочими звонарями — в первую очередь себя отождествляет непридуманный зритель. Короля ведь играет не столько свита, сколько публика. По-нашему — электорат.

Большой человек — и без охраны

Работяги сталкиваются с Лениным. Немирович объясняет им

сверхзадачу: «Ваша линия: увидели Ленина. Это — несомненно Ленин! Как же здесь никого нет? Он или не он? Нет, это он! А охраны никакой нет? Как сделать, чтобы не пропало, что Ленин один ходит без охраны, а рабочие о нем беспокоятся».

Рабочие уже уходят, а Ленин спрашивает вдогонку: «Который час?» Немирович — актеру, который играет рабочего: «Вы холодный. Шутка сказать: он Ленина слышит! Как молодой рабочий будет слушать Ленина? Нужно жадно ловить каждое его слово... И вам каждое слово кажется замечательным».

Попадается Ленину и нищенка. У нее своя линия поведения: что-то «блехастое», «клопастое». Для нее Ленин — шантрапа. Немирович сочиняет для нее внутренний монолог. «Постою. Может, еще куда-нибудь пойду. Зябко, голодно, противно все. Как уйти, не получив подаяния... Кто теперь нам подаст?» — тыфу. (Плюнула.) Совет актрисе: «Не торопитесь. Важные сло-

ва выпячивайте. С паузами. Натуралистически чешитесь».

Как на эту «блехастость» должен реагировать большой человек? Немирович поправляет Грибова (исполнителя роли Ленина): «У вас как будто подтекст такой: что за безобразие. А это не безобразие. Люди голодают, болеют, побирушкам плохо — вот какими мыслями голова набита, вот из какого положения надо найти выход».

Видение интеллигента

Инженер Забелин — интеллигент дореволюционной закваски. Советскую власть не любит пуще, чем ее не любит нищенка. В знак протеста торгует спичками. (Чем-то это напоминает историю одного тележурналиста, который устроился коچهгаром и широко афишировал это обстоятельство.) И вот такого убежденного антисоветчика надо «повернуть к большевизму». Немирович помогает Ленину найти верную интонацию. «Если вы считаете, что такого «медведя» надо повернуть, то вы не будете на него кричать. Он (Ле-

нин. — «Известия») скорее его пристыдит, чем припугнет. Давайте его (Забелина. — «Известия») приласкаем, но будем говорить с ним серьезно. Но именно приласкаем, а не просто накричим на него».

Тщательно обставляется кабинет «спеца». С одной стороны, приметы былой буржуазности — мебель из красного дерева. С другой — приметы уже стесненного быта: на столе кульки, какие-то посторонние вещи, прямо в кабинете умывальник. Немирович одобрил умывальник и тут же в нем усомнился. «Вот то, что Забелин там моется, это хорошо выдуманно, по-житейски, но идеологическая линия здесь неотчетлива. Разве так уж важно, что он чисто-плотный? Это я унесу с собой?»

Самое важное: что «унес с собой» Забелин из кремлевского кабинета Ленина. Он унес мысль: «Я видел гениального человека». И тогда вопрос: как это сыграть?

По пьесе Забелин, придя от Ленина домой, начинает заниматься уборкой своего кабинета. Дочь поражена переменой в настроении от-

ца. Немирович сомневается: «Все так высоко вздыбилось — и вдруг целый кусок: делают уборку кабинета... Я боюсь, что этот эффект меньше той громадной идейности, до которой мы дошли. Чтобы подняться еще выше, надо сделать следующее: после фразы «Я видел гениального человека» ее, дочери, «безмолвное восхищение этим моментом»: громадные глаза. А Забелин смотрит торжествующе. Начинает приводить стол в порядок, глядя на нее (дочь — «Известия») не отрываясь. И фраза: «Я сейчас буду работать» — на какой-то такой мимической сцене пойдет занавес».

Мелочи

Артисту, играющему секретаря Ленина: «Разве нам для пьесы нужно, чтобы он Ленина боялся? Если бы он боялся Ленина, он бы не посмел улыбаться. Я бы сказал, что это — боготворение, влюбленность».

Станицыну, играющему Уэллса: «У вас слишком высокомерный тон. У вас он — нахал. Ни один журна-

лист не мог бы так разговаривать с Лениным... Впился в него. Шутка сказать, везде говорят: «Ленин, Ленин, Ленин!» Пришел познакомиться с ним, благодарен, что его приняли...»

Апофеоз

Немирович: «К ораторской речи подходит просто... Когда начали бить куранты, вы (Грибову — исполнителю роли Ленина. — «Известия») говорите о них то-то и то-то... Перед тем как открыть окно, вы говорите последние слова. Тут началось движение. Кто-то открыл еще одно окно. Начинается движение, восхищение — они все невольно запоют «Интернационал», это совершенно естественно, это не будет походить на обычный плакатный финал. Я вижу такое лицо Ленина!»

...Видели мы это лицо. До сих пор стоит перед глазами. Вот что значит уровень высокохудожественного общедоступного пиара, срежиссированного большим мастером. Оно, к счастью (для кого-то — к несчастью), утрачено.